4)

Дневныя записки

„1824“ Года

Въ теченіи Марта.

Московской Д. Академіи

Студента Василья Зарина.

Дневныя записки

„1824“ Года

Въ теченіи Марта.

Московской Д. Академіи

Студента Василья Зарина.

Оттискъ изъ № 10—11 „Богословскаго Вѣстника“ 1914 г.

Изъ внутренняго быта студентовъ Московской Духовной Академіи чрезъ десять лѣтъ ея пребыванія въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.

Дневныя записки Московской Д. Академіи студента Василья Зарина.

Внутренняя жизнь закрытаго учебнаго заведенія трудно доступна постороннему наблюдателю; отсюда и трудность въ опредѣленіи ея облика, характера и нравственнаго достоинства. И всякіе оффиціальные отчеты о ней недостаточны, а иной разъ и недостовѣрны,—когда дѣло касается интимной жизни воспитанниковъ: тутъ и воспитанники стараются себя защитить отъ стороннихъ нареканій или подвысить о себѣ мнѣніе въ обществѣ, и начальство наклонно и стремится „покрыть“ грѣхи юности и ошибки невѣдѣнія въ жизни своихъ питомцевъ, съ расчетомъ себя оправдать или—представить ихъ и себя въ выгодномъ, даже хотя бы приличномъ видѣ. Оттого и получается иногда: „отчетъ“ самъ по себѣ, а жизнь заведенія сама по себѣ,—иначе, выходитъ то, что такъ наглядно выражаетъ народная притча:

„Хороша наша деревня,
Только улица грязна:
Хороши наши ребята,
Только... славушка худа!“—

Посему, тѣмъ болѣе цѣнны такіе документы или вообще источники, кои не имѣютъ оффиціальнаго значенія. Наоборотъ. Лучше, если они имѣютъ характеръ частный, даже личный, при этомъ, конечно, отличаются искренностію, откровенностью, а вмѣстѣ и подробностію. Таковы по преимуществу разнаго рода „записки“ отдѣльныхъ дѣятелей или совершенно частныхъ лицъ.

Однако, необходимо имѣть въ виду, что и такія „записки“ далеко не всегда имѣютъ одинаковую степень достовѣрности. Когда они представляютъ воспоминанія отдѣльныхъ лицъ о давно быломъ и здѣсь же о себѣ самихъ и таковыя воспоминанія предназначаютъ для изданія во всеобщее свѣдѣніе; то невольно внушаютъ читателю подозрѣніе и неизбѣжно затрагиваютъ его критику. Въ этомъ случаѣ, естественно, иное забывается въ подробностяхъ, иное преувеличивается до идеализированія, привносится нѣчто страстное и пристрастное, обнаруживающее иногда зависть къ славѣ лучшихъ дѣятелей, мстительность по личной непріязни, а то и просто „художественное“ привираніе, такъ называемое „красное словцо“ и пр. т. п.

Въ виду этого, безспорно, интереснѣе всѣхъ таковыхъ „записокъ“ тѣ, которыя для изданія ихъ въ свѣтъ вовсе не предназначались, писались только для себя,—для напоминанія только себѣ самому о бывшемъ съ самимъ же собою и о перечувствованномъ въ себѣ же самомъ. Въ этомъ дѣлѣ ложь автора уже не имѣетъ совершенно никакого смысла. И если такія „записки“ поступаютъ иногда въ печать, то не по волѣ ихъ составителей. Таковы именно „дневныя записки“ отдѣльныхъ лицъ, представляющія ихъ самонаблюденіе изо дня въ день—среди окружающей ихъ обстановки, со всѣми впечатлѣніями, какія она производитъ при установившемся строѣ жизни и происходящихъ въ ней повседневныхъ перемѣнахъ. Не стѣсненный ни чѣмъ, авторъ въ своихъ запискахъ имѣетъ побужденіе говорить только правду, ибо говоритъ о себѣ и для себя самаго—только.

Такія „дневныя записки“, цѣнныя сами по себѣ, особенно цѣнны въ научномъ отношеніи, если они касаются интимной жизни закрытаго учебнаго заведенія. Перечитывая ихъ, историкъ такого заведенія какъ бы слушаетъ разсказъ самого же воспитанника о его жизни, со всѣми его переживаніями,—разсказъ, отличающійся, обыкновенно, неподдѣльной искренностью, сердечностью, совѣстностью, откровенностью до излишества, живостью воспріятія впечатлѣній, отзывчивостью, вообще юношескимъ благодушіемъ и простодушіемъ, доходящимъ до крайности—до наивности...

Извѣстно, что въ Московской Духовной Академіи въ давнее - былое не только воспитанники, но и наставники вели

свои „дневники“; но, къ сожалѣнію, они или вовсе не появлялись въ печати, или только отчасти—въ извлеченіяхъ, какъ — „дневникъ“ знаменитаго Ректора Академіи, достославной памяти прот. Ал. Вас. Горскаго.

Въ Тульской Епархіальной Палатѣ Древностей имѣется подлинная рукопись одного изъ студентовъ Московской Духовной Академіи, представляющая собою „дневникъ“ въ точномъ смыслѣ этого названія, и относящаяся къ 1824 году, т. е. къ первому десятилѣтію Академіи на новомъ мѣстѣ ея пребыванія—въ Лаврѣ.

Вообще рѣдкая въ своемъ родѣ, а по своей относительной давности тѣмъ болѣе, рукопись эта имѣетъ особую цѣнность для историка Академіи, какъ достовѣрнѣйшее сказаніе одного изъ ея студентовъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и сущихъ съ нимъ въ его время. Да уже и самый фактъ веденія студентомъ такихъ „записокъ“ съ цѣлію наблюденія за самимъ собой изо дня въ день, безъ пропусковъ, представляется характернымъ для студенчества того времени.

Рукопись носитъ названіе: „Дневныя записки 1824 года, въ теченіи Марта. Московской Духовной Академіи Студента Василья Зарина“. [1])

Дневникъ этотъ очень содержателенъ, такъ какъ авторъ, ведя его изо дня въ день, касается какъ разныхъ сторонъ повседневной студенческой жизни вообще, такъ и своей личной жизни, съ ея мелкими обстоятельствами, а иногда и въ соприкосновеніи ея съ жизнью общественной, и пр.

Вотъ нѣкоторыя черты, въ которыхъ вырисовывается внутренняя жизнь студента Московской Духовной Академіи по „Дневнику“ одного изъ ея питомцевъ, г. Зарина.

Подъ вліяніемъ монастырской обстановки, частаго посѣщенія храмового богослуженія и совершенія домашней молитвы, добрыхъ совѣтовъ и примѣровъ жизни самихъ на-

---

[1]) Рукопись эту пріобрѣлъ я въ Костромѣ, состоя тамъ на службѣ, въ 1879-мъ году. Она писана на шести тетрадкахъ зеленой (современной) бумаги, въ 8-ю д. л., мелкимъ шрифтомъ и тонкимъ плотнымъ почеркомъ. Сохраняя въ этомъ изданіи орѳографію и мѣстный (Костромской) выговоръ подлинника, я не удерживаю, однако, всѣхъ его знаковъ препинанія, поставленныхъ такъ небрежно (?), что, при сохраненіи ихъ, было бы затруднительнымъ чтеніе и пониманіе подлинника. *Авторъ.*

ставниковъ (особенно такихъ авторитетныхъ, какъ „умнѣйшій изъ профессоровъ Академіи“ прот. Ѳ. А. Голубинскій), а также чтенія книгъ Ѳомы Кемпійскаго, Іоанна Арндта, Юнга и пр., у автора „Дневника“ прочно слагалась и нерѣдко очень замѣтно выступаетъ благочестивая настроенность, а въ отношеніи къ храму, монастырю и святынямъ Лавры возрастающая даже до ревности...—Подъ тѣмъ же вліяніемъ юный авторъ размышляетъ серьезно иной разъ о борьбѣ своего духа съ плотію,—совершенно въ настроеніи инока. Однако авторъ не склоненъ къ ханжеству; онъ критически относится къ сказаніямъ и фактамъ изъ области суевѣрій и пр.

Кромѣ благочестія, очень замѣтно сказывается въ студентѣ чувство патріотизма,—по разнымъ обстоятельствамъ. Такъ, при чтеніи и размышленіи о событіяхъ Русской Исторіи, относящихся къ давнему времени, но возвышающихъ достоинство народа и славу Отечества, авторъ приходитъ въ умиленіе даже до слезъ, что въ особенности вызывается у него краснорѣчіемъ знаменитаго историографа Н. М. Карамзина.

Въ отношеніи къ наставникамъ и начальникамъ „Дневникъ“ свидѣтельствуетъ искреннюю добрую расположенность и благопокорливость. Не смотря на то, что „классы“ были до и послѣ обѣда, не смотря на нѣкоторые обременительные и не легко переносимые труды, возлагаемые нѣкоторыми наставниками, однако осужденія ихъ въ „Дневникѣ“ не встрѣчается. Такъ, занятый едва не каждый день переписываніемъ „лекцій“, преимущественно по „Философской Исторіи“, студентъ не выражаетъ негодованія, ведетъ это дѣло съ терпѣніемъ и лишь шутливо называетъ эти лекціи „философщиной“.

Начальство, по отзыву Зарина, относилось къ студентамъ „съ обыкновенною благосклонностію“, „снисходило множеству *классическихъ* грѣховъ“, посему и въ „Дневникѣ“ нѣтъ жалобъ на строгія взысканія Начальства со студентовъ за ихъ слабости. Впрочемъ, кажется, и самыя слабости эти были, относительно, не очень зазорны, да и подвержены то имъ студенты были также не дюже. Заринъ разъ только отмѣчаетъ въ своемъ „Дневникѣ“, что, прогуливаясь съ своимъ товарищемъ, онъ выпилъ пол-пивца. И этотъ фактъ,

какъ выдающійся, записанъ въ „Дневникѣ“... Или еще: однажды сему памято-писцу прислали 2 фунта нюхательнаго табаку; узнавъ объ этомъ, товарищи немедленно „половину его разсыпали по табакеркамъ“...

Впрочемъ, поддаваясь этой слабости, нѣкоторые не могли оставить ея и потомъ: въ послѣдствіи протоіереи и архіереи нюхали табакъ и даже, такъ сказать, при оффиціальной обстановкѣ; а нѣкоторые, и уже заслуженные, профессора совершали это нюханіе даже на каѳедрѣ. Они дѣлали это какъ то торжественно и артистически — какъ бы ставя своего рода знакъ восклицанія въ концѣ какого-либо серьезнаго періода своей ученой и мудреной рѣчи. Затѣмъ медленно извлекался изъ кармана долгополаго сюртука широкій цвѣтной платокъ, обмахивались рыхлыя ноздри носа и —opus operatum, а вмѣстѣ, иной разъ, кстати заканчивалась и лекція.

Въ частности, въ отношеніи инспекторскаго надзора въ Дневникѣ не замѣтно сколько нибудь серьезнаго протеста; но въ отдѣльныхъ случаяхъ проявлялось сѣтованіе (и, кажется, справедливое) на излишнюю строгость дисциплины. Когда, напр., нѣкоторые студенты пожелали доставить своимъ товарищамъ развлеченіе музыкой, то, при появленіи о. Инспектора, они и товарищи ихъ сочли за благо „разбѣжаться“... Между тѣмъ,—

Домашняя обстановка студентовъ чужда была - сколько нибудь содержательныхъ развлеченій.

Время, свободное отъ классныхъ занятій и домашнихъ научныхъ работъ, обычно проводилось въ товарищескихъ разговорахъ, оживленныхъ, доходившихъ не рѣдко до горячихъ споровъ, которые „обыкновенно оканчивались ничѣмъ“. Разговаривали и о родинѣ и—радостяхъ и веселѣ, которыя обѣщаетъ она, и о будущемъ въ своей жизни, а то и о колдунахъ, о разбойникахъ и т. п. Спорили и по научнымъ вопросамъ, а то—иной споръ, иногда и горячій, каковъ, напр., „споръ съ крикомъ“ о достоинствѣ нарѣчій Костромскаго и Московскаго, и о „превосходствѣ Костромскихъ протопоповъ“...

Между дѣломъ, отдыха ради, студенты отправлялись на Лаврскую колокольню — послушать „царя“, пробѣжать или „побродить“ по монастырскимъ стѣнамъ, подняться на башню

и полюбоваться окрестностями, которыя, однако, „совершенно пустынны“.—Совершались, конечно, прогулки и внѣ монастырскихъ стѣнъ: въ Лаврскомъ Пафнутіевомъ саду, на бульварѣ и по улицамъ Посада, да и то, кажется, не часто...

Домашняя жизнь студентовъ шла очень скромно. Въ „Дневникѣ“ совершенно не упоминаются карты, танцы, домашніе спектакли и под. (что имѣло мѣсто позднѣе). Правда, было однажды „представленіе“ домашнее, но оно состояло въ томъ, что посредствомъ какого то самодѣльнаго ящика, со вставленнымъ въ него лорнетомъ, воспроизводились на экранѣ тѣневые портреты Архіереевъ, философовъ и какія-то китайскія картинки... Къ числу развлеченій относились тогда и такъ-называемыя „рекреаціи“ (нарочитые дни отдыха, свободные отъ классныхъ занятій) — каждый по особому ходатайству „старшихъ“ и „съ дозволенія“ Начальства. Онѣ существовали въ школьномъ быту съ того времени и долго потомъ (до Устава пр. Макарія и гр. Д. А. Толстого)—въ училищахъ, Семинаріяхъ и Академіяхъ. Но въ Московской Академіи и эти развлеченія сводились опять-таки къ прогулкамъ около да вокругъ Лавры, развѣ только въ нѣсколько большемъ районѣ, чѣмъ въ обычные дни.

Начальство понимало необходимость игръ, укрѣпляющихъ тѣлесное здоровье, и, кажется, постепенно вводило ихъ: такъ, въ этотъ 1824 годъ въ Академическомъ обиходѣ появилась игра въ кегли и, какъ „неизвѣстная“ дотолѣ, отмѣчена въ „Дневникѣ“ съ нѣкоторыми подробностями...

Развлеченій собственнаго изобрѣтенія студенты едвали могли доставлять себѣ много,—по обычной въ то время скудости денежныхъ средствъ вообще всего учащагося духовнаго юношества.—Личныя средства студента Зарина были весьма скудны: у него даже и на именины его не было ни одной копейки—„ни на колачъ, ни на свѣчьку“... Однако, онъ ни разу даже и Великимъ постомъ не жалуется на скудость казеннаго Академическаго содержанія — въ пищѣ, въ одеждѣ и т. п.—Изъ „Дневника“ извѣстно, что въ то время къ услугамъ студентовъ были „кредиторы“; но и къ этому источнику средствъ доступъ студентамъ былъ не безъ затрудненій: имъ выдавались ссуды, но при поручительствѣ надежныхъ плательщиковъ, а за неимѣніемъ таковыхъ, отка-

зывалось... Автору „Дневника“ тоже одинъ разъ было отказано въ такой ссудѣ и по той же причинѣ; но онъ, внося это горестное обстоятельство въ свой дневникъ, рекомендуетъ самъ себѣ переносить таковое лишеніе чисто съ философскимъ терпѣніемъ...

Впрочемъ, тогда на обычные расходы студентамъ денегъ много и не требовалось, особенно если имѣть въ виду, что поѣздки въ Москву, за отсутствіемъ тогда желѣзной дороги, вообще были затруднительны, особенно поѣздки—ради развлеченій, каковы: театры, концерты, выставки, знакомства и т. п.—что имѣло мѣсто потомъ и, конечно, не воспрещается теперь.

Однообразная, скудная и скучная обстановка Академическая въ стѣнахъ монастыря и внѣ его, и повседневная жизнь, лишенная сколько-нибудь содержательныхъ развлеченій, естественно настраивали студента на монастырскій тонъ.

Авторъ „Дневника“ понимаетъ и чувствуетъ свою отчужденность отъ „свѣта“ и общественной жизни и „мечтаетъ“, хотя не смѣло, когда-нибудь посѣщать общество; а въ другой разъ и несравненно тверже онъ тоже мечтаетъ, но объ „уединенной тихой жизни въ какой-нибудь хижинѣ“...

Только изрѣдка скука студенческой жизни достигаетъ повышеннаго тона и отзывъ о ней студента дѣлается рѣзкимъ, является какъ бы выраженіемъ ропота, скрываемаго, но до времени. Такъ, когда студента Зарина спрашивалъ одинъ воспитанникъ Костромской Семинаріи, идти ли ему въ Московскую Духовную Академію; то Заринъ размышляетъ: „Что отвѣчать? дай отвѣчу такъ: Если имѣешь жаркую (ибо просто теплую имѣть, кажется, мало) и притомъ постоянную любовь къ наукамъ, далѣе—если безропотно и въ молчаніи готовъ переносить всякую тѣсноту, какая совмѣстна съ четырьмя стѣнами монастыря и съ тѣсными углами студенческой комнаты, то ступай съ благословеніемъ Божіимъ“... (16-е мая).

Что же касается, однако, Академическаго образованія, то Заринъ ставитъ его высоко, считаетъ его несравненно лучшимъ, чѣмъ оно въ свѣтскихъ (и высшихъ) школахъ. Самъ онъ мечтаетъ о пастырствѣ и даже молится: „Помози ми, Господи! Ты видишь, что сердце мое ищетъ сей священ-

нѣйшей обязанности. Веди меня къ ней Божественнымъ Словомъ Твоимъ!“ (17-е мая).

Если таковая настроенность студентовъ была цѣлью Академическаго воспитанія, то такая цѣль, кажется, достигалась...

NB. 1. Содержаніе „Дневныхъ записокъ“ студ. Зарина можетъ дать наблюдательному читателю хорошій матеріалъ и еще для нѣсколькихъ выводовъ, пригодныхъ для характеристики внутренняго быта студентовъ Духовной Академіи, въ самомъ началѣ ея новобытія,—особенно, при сопоставленіи давно-прошедшаго съ недавно-минувшимъ и настоящимъ: но я, съ своей стороны, по нѣкоторымъ соображеніямъ, собственно-личнаго свойства, воздерживаюсь отъ сего—до времени и временъ...

2. Издаваемая мною подлинная рукопись „Дневныхъ записокъ“ В. Зарина, доведенныхъ имъ только до 19-го мая 1824 года включительно, какъ мнѣ кажется, сохранилась не вполнѣ. Въ виду этого, мной предприняты нѣкоторыя мѣры къ розыску окончанія оной. Разумѣется, все найденное представлено будетъ въ редакцію того же журнала—для напечатанія въ качествѣ „окончанія“ напечатаннаго уже.

Николай Троицкій.

Тула.
1914 года, Октябрь, 1-е.

Дневныя записки

„1824“ Года

Въ теченіи Марта.

Московской Д. Академіи

Студента Василья Зарина.

Господи! Благослови!

„Утромъ расположи, а вечеромъ разбери поведеніе свое. Спрашивай себя по окончаніи каждаго дня, каковъ ты былъ нынѣ на языкѣ, въ дѣлахъ и помышленіяхъ твоихъ. Не обидилъ ли ты ближняго? не погрѣшилъ ли противъ Бога? Не позабылъ ли самъ себя—т. е. своего долга—не очернилъ ли, не отяготилъ ли чѣмъ нибудь своей совѣсти—духа своего?“

Фома Кемпійскій—въ книгѣ:
О подражаніи Іисусу Христу.
Часть 1. Гл. 19. Мнѣніе 4.

Выписано 7-го Марта.

МАРТЪ.

1 число. Вчера, послѣ молитвы, почитавши Гражданской Исторіи, я уснулъ спокойно не чувствуя никакой болѣзни.— Но вдругъ—еще въ темнотѣ ночи—пробуждаюсь отъ боли въ лопаткѣ праваго плеча: недоумѣвая причины сего встаю и сажусь на постелю—боль моя усиливается такъ, что чувствую ее во всей спинѣ, и даже на лѣвой лопаткѣ ощущаю тоже. Сіе такъ испугало меня, что я думалъ: „не все ли тѣло мое разстроилось, не весь ли я заболѣлъ, ахъ!—Боже праведный! Ты, вѣрно, наказуешь меня за многіе грѣхи мои, за нечистыя мысли, которыя такъ часто рождались, и рождаются въ душѣ моей. Прости меня, Господи!“ Тутъ воображеніе и память моя начали повторять мнѣ, что могло и должно было оскорблять всесвятаго Сердцевѣдца.—Словомъ: я раскаявался предъ Богомъ. Кто здѣсь не видитъ пользы болѣзней! Кажется, можно назвать ихъ чистилищемъ души нашей—нашей совѣсти—онѣ суть голосъ Божества милующаго насъ. Онѣ миръ. По той же причинѣ (болѣзни) я всталъ сегодня ранѣе обыкновеннаго.—Послѣ молитвы охотно принялся за дѣло и весь день провелъ сообразно съ требованіемъ должности. Поутру переписалъ и отнесъ къ О. Г. главу изъ Ис., тутъ занимался лекціей историч. Послѣ обѣда читалъ изъ Р. И. статью о Годуновѣ,—о Самозванцахъ—и о сынѣ Годунова—и въ томъ и въ другихъ дивился честолюбію человѣческому, а въ первомъ и тонкой политикѣ умнаго человѣка. За симъ читалъ Ѳому Кемпійскаго, котораго мысли—христіанскія такъ показались мнѣ, что я многія изъ нихъ думалъ и хотѣлъ помѣстить вмѣсто эпиграфа къ сей записной книжкѣ... Послѣ класса до всенощной время прошло не примѣтно въ разборкѣ тетрадей. Во время всенощной... но это знаетъ болѣе меня самого тотъ, кто одинъ все знаетъ—всѣ наши мысли и желанія. Такимъ образомъ сей день я провелъ гораздо лучше,

нежели день прошедшій. По крайней мѣрѣ я не совсѣмъ не доволенъ былъ самъ собою... Хотя не къ стати, но дабы не забыть, записываю здѣсь мнѣніе, которое считаю для себя полезнымъ: „отъ сердитаго—или вспыльчиваго отойди на минуту, а отъ лицемѣра и льстеца навсегда“. Аминь.

2. Послѣ Всенощной читалъ Россійскую Исторію отъ Петра до настоящихъ временъ,—размышлялъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ честолюбія—о дѣйствіяхъ его, о усиліяхъ его въ истощеніи всѣхъ средствъ для удовлетворенія себя—каково было честолюбіе умной и прекрасной сестры I-го Императора – Софіи. Пріятно было видѣть въ зерцалѣ Исторіи то, какъ возвышалось отечество наше въ теченіи послѣдняго столѣтія. Особенно чувствуешь благодарность къ Промыслу за добрую власть и управленіе Государства, читая исторію царствованія Петра 1-го, Екатерины 2-й и Александра 1-го. При 1-мъ Россія какъ бы приближалась къ храму славы, при 2-й она вступила въ него, при Александрѣ стяжала право приближиться и приближается къ святилищу славы. Пріятно для любителя Отечества чувствовать силу его, слышать и видѣть его въ славѣ: но столько же прискорбно слышать и о бѣдствіяхъ его. Война 1812-го года—война ужасная и незабвенная въ роды родъ для Россіи. Сколько мирныхъ селеній, украшенныхъ и устроенныхъ городовъ и цѣлыхъ богатыхъ провинцій разграблено, разорено, опустошено! Сколько семействъ лишились спокойствія, потеряло имущество, родныхъ дѣтей, или отцовъ, женъ или мужей—братьевъ или сестеръ. Сколько убито на сраженіяхъ и умерло въ плѣну. Одно Бородинское поле пріяло въ себя не менѣе ста или 75-ти тысячъ человѣкъ. Въ одинъ день, на одномъ сраженіи столько потеряно! И можно ли исчислить всѣхъ, кои отъ меча, глада, хлада и плѣна лишились жизни... И все это приписываютъ честолюбію одного человѣка. Вотъ лавры Героевъ! Впрочемъ, нельзя думать, чтобы не было тутъ и участія со стороны Промысла. Конечно, оно, попустивъ Наполеона на такія дѣйствія, хотѣло наказать насъ за себя, за то, что мы забыли нашего Бога, что всякій искалъ вездѣ только себя—думалъ только о выгодахъ и удовольствіяхъ плоти, погребая въ нихъ Духъ Христовъ. Въ сихъ и подобныхъ симъ размышленіямъ я продолжалъ чтеніе свое до благовѣста къ утренней. Съ ударомъ Карна-

уха [1]) я сталъ читать общія замѣчанія на 5-й періодъ Р. И. Здѣсь видѣлъ ту истину, что и народы возрастаютъ, приходятъ въ крѣпость, цвѣтутъ силою и славою такъ же, какъ и одинъ человѣкъ. Жизнь человѣческая есть или можетъ быть и эмблемою политической жизни государствъ. Наконецъ я уснулъ уже вмѣстѣ со 2-мъ звономъ.

Послѣ обѣдни отдохнувъ, ходили на колокольню слушать Царя [2]) и смотрѣть окрестности Лавры. Тутъ писали лекцію Вас. Ив. Кут. За симъ двое съ Ив. Ив. Кут. ходили гулять уже за монастырь. Въ вечеру опять писали туже лекцію. Я покоенъ былъ во весь день и спокойно проспалъ отъ 11-ти до 7.

3. Всталъ—написалъ отчетъ за прошлый день и въ сердцѣ поздравилъ съ имянинами одного изъ старыхъ Друзей, который уже забылъ меня и мнѣ бы надлежало забыть его, если бы позволено было, и можно было платить зломъ за зло. Но въ такомъ случаѣ, я бы долженъ былъ и забыть его благодѣянія. О, избавь Боже, чтобы я былъ предъ кѣмъ либо не благодарнымъ!—желаю чувствовать и чувствую все то, что дѣлаютъ для меня другіе добраго. Если благоволитъ Господь дать мнѣ средства платить за добро чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ чувствій, то тогда непремѣнно постараюсь о томъ—и такъ, л. д. [3]), теперь могу только желать тебѣ и желаю всего наилучшаго, всего нужнаго для щастія на земли, и для блаженства на небесахъ.

Два стиха, слышанныхъ отъ товарища на щетъ трудности дѣла, превышающаго силы наши:

„Не можно Воробью Орлиный брать полетъ,
Когда такой способности лѣтать въ немъ нѣтъ“.

Въ сей день мы не ходили въ классъ—празднуя бракъ Михаила Павловича [4]). Между прочимъ ходили и въ церковь къ часамъ. Послѣ часовъ и обѣда ходили съ М. И. гулять по стѣнамъ монастыря, разговаривали о многомъ прошедшемъ—раскаявались въ ошибкахъ, и слабостяхъ своихъ касательно... обѣщались воздерживаться отъ того впредь.

---

[1]) „Карнаухъ“—названіе колокола Лаврской колокольни, 1275 пуд.
[2]) „Царь“—большой колоколъ, 4000 п.
[3]) „Л. д.“—любезный другъ.
[4]) Великаго Князя.

Между прочимъ въ разговорѣ о молитвѣ онъ сообщилъ мнѣ средство отгонять отъ себя постороннія и соблазнительныя мысли во время оной. Сіе средство,—говорилъ онъ, представляя свидѣтельства Святыхъ Отецъ, есть нискіе и частые поклоны при молитвѣ. О, какъ бы я желалъ, чтобы это было справедливо! Постараюсь испытать себя.—А Тебя, Господи, прошу быть моимъ помощникомъ. А Тебя, Ангелъ Хранитель мой, прошу быть моимъ ходатаемъ предъ Богомъ. Припадаю ко всѣмъ Святымъ, да помогутъ мнѣ въ семъ благомъ дѣлѣ о Господѣ. Въ разговорѣ одного почт. студ. (Ип. Л. Кап.) понравилось мнѣ мнѣніе о нашемъ землякѣ Пр. Ѳ. А. Г. [1]). „Ему способствуетъ помнить другихъ не одна его обширная память, но и добрѣйшее его сердце. Бываютъ такіе люди, кои могли бы помнить другихъ болѣе, когда бы болѣе добры были сердцемъ“. Это кажется, справедливо. Иногда гордость, иногда сила, обольщеніе суть причины забытія другихъ. Весь вечеръ до 1-го часа занимался переводомъ съ Нѣмецкаго (Толк. Іоанна Арндта на 118-й псаломъ). Ложась спать слышалъ отъ Ив. Ив. К. слѣдующую Исторію. Въ ихъ городѣ (Слободскомъ въ Вят. Г.) умеръ внезапно одинъ свѣтскій человѣкъ. Его погребли за городомъ безъ службы: жены его также при семъ не было. Не щастная вдова плакала и жаловалась на сіе непрестанно, такъ что мужъ ея сталъ въ каждую ночь являться ей въ прежнемъ видѣ—останавливался предъ постелью ея, когда она ложилась спать: видимъ былъ въ углу комнаты, когда она сидѣла одна задумавшись. Наконецъ она вышла изъ терпѣнія. Приходитъ къ священнику, проситъ его совершить на могилѣ мужа службу по обряду христіанскому. И какъ скоро священникъ исполнилъ сіе—мужъ болѣе не безпокоилъ жены явленіями. Что это значитъ? Неужели духъ его являлся женѣ? Но духъ невидимъ. Неужели тѣло покойника переносилось предъ глаза жены? Оно безчувственно. Итакъ, и сего допустить нельзя. Какъ же думать о семъ? Непрестанная мысль о смерти мужа, сильное сожалѣніе о томъ, что онъ не удостоенъ и погребенія христіанскаго, безъ сомнѣнія производили сіи явленія только въ пылкомъ воображеніи женщины. Не рѣдко случается, что

[1]) Профессоръ прот. Ѳедоръ Александровичъ Голубинскій.

боишься ничего не видя, а представляя только какое то пугалище, котораго мы и описать не можемъ. Страхъ появляется въ душѣ, когда нѣтъ въ ней другой какой, либо мысли, или чувствованія.

4. До обѣда занимался переводомъ съ Нѣмецкаго. Тутъ отдохнулъ. Послѣ пошелъ на Красную башню. Отсюда видѣлъ, что одинъ проѣзжающій останавливался для покупки себѣ калача, а не остановился, даже не перекрестился проѣзжая мимо монастыря. Такъ то ревностно мы служимъ себѣ—своей плоти, между тѣмъ какъ не хотимъ и вздумать отдать долгъ молитвы Богу. Другой во время вечерни шелъ въ церковь съ такою гордостью, величавостію, какъ будто съ торжества какого. За нимъ лакей въ богатой ливреѣ съ богатѣйшею шинелью барина. Можно ли подумать, чтобы прямо одно усердіе было руководителемъ барина - молоденькаго въ смиренную—святую обитель смиреннаго угодника Божія? Ахъ какъ самолюбивъ человѣкъ! И идучи въ царство Небесное (такимъ именемъ кажется можно назвать въ нѣкоемъ отношеніи Церковь Божію), не оставляетъ земного. Сіе замѣчаніе не есть какъ осужденія, а дѣйствія наблюденія—можетъ быть—и надъ самимъ собою. Сегодняшій вечеръ былъ тотъ же переводъ Нѣмецкаго. Въ оба сіи дни у насъ не было классовъ для брака М. П. Разговоры наши послѣ ужина касались прошедшей жизни Семинарской—нащетъ бѣдности—и нужды въ малолѣтствѣ. Уединенная жизнь наша производитъ въ насъ то, что мы теперь, такъ сказать, будучи удалены отъ людей и заперты въ пустынѣ, всегда съ радостію, открытыми глазами смотримъ на всякаго, кто ни попадетъ намъ изъ постороннихъ—особенно... а послѣ—выглянувъ—или, такъ сказать, шагнувши въ большой свѣтъ, въ кругъ людей—особенно людей воспитанныхъ въ большомъ свѣтѣ—какъ бы боимся глядѣть на нихъ, не смѣемъ, какъ говорятъ, рта разинуть—и становимся, по пословицѣ, столь часто употребляемой, учеными дураками или тѣми птицами, какія много думаютъ да мало поютъ. Къ сему размышленію подали мнѣ случай два вышеупомянутые проѣзжающіе и еще другіе трое проходящихъ монастыремъ...

5. Вчерась видѣлъ холодность къ святынѣ въ двухъ путешественникахъ: сегодня знакъ усердія: прохожій солдатъ (и вѣрно не богатый) подаетъ двѣ копѣйки. Какъ пріятно было

смотрѣть на эту нищенскую руку, которая, можетъ быть, послѣднюю лѣпту выняла [1]) изъ тонкаго кошелька. Вотъ истинное усердіе ко храму Божію. Этотъ грошъ равняется съ тремя [2]) лѣптами вдовицы—въ усердіи подающаго. Такъ то мы должны жертвовать Богу. Не лишки только, и не для славолюбія должны класть отъ имущества нашего въ церковь. А какъ много такихъ... Ввечеру занимался повтореніемъ философской Исторіи. Послѣ молитвы разговаривали о колдунахъ. Мнѣ чудно показалось мнѣніе, что многіе изъ нихъ дѣлаютъ одно добро, т. е. употребляютъ его только на вылеченіе. Впрочемъ это доказывалъ И. Гр. Арх. примѣрами собственнаго семейства, которое почти все страдало и было избавлено отъ того однимъ изъ прихожанъ его отца. Ник. Гр. Жд. сказалъ объ одномъ изъ колдуновъ, что онъ по ссорѣ съ однимъ изъ студентовъ Вологодской Семинаріи произвелъ въ семъ послѣднемъ сперва глубокую задумчивость, потомъ нерадѣніе о себѣ, наконецъ онъ и умеръ подобно скоту на голой соломѣ,—безъ пищи и безъ одежды. Чудно, что такое дѣйствіе и власть надъ природою человѣка выказываютъ люди злые, руководимые злыми духами. Въ размышленіяхъ о сихъ извергахъ я заснулъ уже въ 1-мъ часу. Страшною представлялась мнѣ участь ихъ еще и здѣсь, а тамъ... Ник. Гр. Жд. сказывалъ, что вышеупомянутый злодѣй пріялъ злодѣйскую и смерть. Предъ смертію онъ мучился и кричалъ сильно цѣлые три дня такъ, что не только домашніе его, но и жители всей его деревни принуждены были выдти изъ домовъ отъ его неистоваго крика. А послѣ, когда возвратились по его смерти, то нашли его простертаго на полу—весь разбитъ и въ крови, кровь и на стѣнахъ и въ углахъ домовъ. Простонародно утверждаютъ, что такая кончина постигаетъ колдуновъ тогда, когда они не сдадутъ съ рукъ злой силы другому кому либо. Странно, странно! Я уснулъ въ намѣреніи встать поранѣе для повторенія своихъ лекцій по части Ист. ф.

6. Пробуждаюсь въ 5 часовъ, вставать еще не хочется. Опять засыпаю, хотя съ безпокойствомъ, сонъ былъ кратокъ и прерывистъ, но вставать все еще лѣнь. Такъ то сильно

---

[1]) Костромской выговоръ.

[2]) Ошибка Зарина.

владычествуетъ надъ нами плоть. Но въ другихъ случаяхъ она бываетъ еще сильнѣе. О Боже мой! какъ слабъ духомъ! обличаетъ—говоритъ, что это скверно и разумъ предохраняетъ, представляя вредныя слѣдствія порабощенія плоти: но... не престаю ей раболѣпствовать. Это утро для меня пагубно—такимъ сдѣлалъ его я самъ для себя. Но и въ день... Въ день уже я осквернилъ себя нечистыми, скверными — плотскими помыслами. Пишу себѣ, дабы помнить себя самаго—дабы быть осторожному—избѣгать всякаго, даже малѣйшаго случая къ такимъ мыслямъ,—иногда и разговоръ, а болѣе обращеніе. Впрочемъ сегодня я ходилъ къ вечернѣ.—Въ вечеру читалъ Фому Кемпійскаго — и по случаю дневныхъ мыслей считаю нужнымъ выписать сіи мнѣнія его.

„Всякая плотская радость входитъ льстиво, но наконецъ грызетъ и убиваетъ. Ты воображаешь себѣ, что имъ насытишься, но сему быть не можно“. Ч. I. Г. 20.

7. Вчера вставши ранѣе обыкновеннаго, не отдохнувъ въ день, и при томъ угорѣвши въ банѣ, я такъ крѣпко спалъ всю ночь, что до 6 часовъ утра и не пробуждался. Посему не поспѣлъ къ утренней службѣ, и вотъ добрый имянинникъ! однакожъ я самъ по себѣ прочиталъ утреннія молитвы. Помолился и опять спать. Новое угожденіе плоти! сонъ тогда, какъ надобно бодрствовать! Послѣ обѣдни ходилъ на почту, но къ сожалѣнію не получилъ ничего! Вотъ какъ помнятъ насъ! Друзья—друзья! что вы значите! Такъ то всегда бываетъ. Естьлибъ я былъ богатъ или почтенъ или силенъ, кучи бы комплементовъ, а теперь—о бѣдность, бѣдность! Для имянинъ записываю свои мысли съ голоднымъ—алчущимъ желудкомъ. Ни на колачъ, ни на свѣчьку [1]) нѣтъ ни копѣйки! Вотъ студенческая то жизнь! Буду ли когда нибудь быть имянинникомъ пріятнымъ для свѣта? Долго—долго ждать. Особенно долго ждать благодарности отъ меня чадолюбивѣйшимъ родителямъ. Ахъ, какъ жалка участь бѣдности! Нѣтъ средствъ сдѣлать и добраго дѣла — отдать долгъ благодарности тѣмъ, кто всѣхъ дорожѣ—родителямъ. Но вотъ уже сумерки! Сбродить хоть на стѣну—пробѣжать раза два взадъ и впередъ...

8. Между классами писалъ переводъ изъ Арндта. Во время

---

[1]) Въ церковь.

Нѣмецкаго класса читалъ сей переводъ съ Профессоромъ. Во время всенощной читалъ нѣчто — псалмы — каѳизмы и I-й часъ. Эта была недѣля Крестопоклонная. Служили всенощную въ залѣ От. Р. Къ кресту подходили студенты по двое вмѣстѣ. По два поклона предъ цѣлованіемъ креста, поклонъ послѣ, поклонъ служащимъ и поклонъ Начальникамъ. Вотъ процессъ, который постановленъ былъ на сей разъ. Всякому, кто имѣетъ духъ религіозный, сіе должно нравиться..

9. Во время литургіи говорилъ проповѣдь нашъ Отецъ Сергій о несеніи креста Христова—изъ текста: *Аще хощешь по мнѣ идти, да отвержешися себе, и возмешь* и прч. Я не могу изобразить всего, что было говорено, ибо и тихо, и скоро было говорено... Послѣ обѣда ходилъ я гулять — осматривалъ домъ Монастырскій новопостроенный. Удивительная громада камней, слишкомъ скоро складенъ домъ сей, именно въ одно лѣто. И вотъ сбылась пословица—скоро бываетъ не споро. Этотъ домъ уже разваливается. Жаль смотрѣть на тщету усилій и надеждъ человѣческихъ — на гордые замыслы человѣческіе. Въ этотъ день я испыталъ на себѣ сіе слово Господне: не надѣйся на князи и на сыны человѣческіе. Я просилъ нѣкоторыхъ быть за меня поручителями предъ однимъ изъ кредиторовъ; но или они сами, или тотъ отказалъ, а я остался безъ всего. Скучно быть обманутымъ. Впрочемъ, лучше кажется въ такихъ случаяхъ перетерпѣть неудовольствіе, нежели послѣ терпѣть новую нужду.

10. По окончаніи классовъ ходилъ съ Ив. Ив. К. гулять по стѣнѣ; были на верху Каличьей башни. Прекрасно смотрѣть на окрестности Лавры съ такой высокой пирамиды, только жаль, что эти окрестности слишкомъ пусты, должно смотрѣть только на долины снѣжныя и темный лѣсъ. Виѳанія даетъ прекрасный видъ, но только лѣтомъ, а зимою снѣгъ отнимаетъ видъ красоты. Послѣ гулянья писалъ лекцію В. Ив. Кутневича. Послѣ ужина слышалъ печальную исторію болѣзни благодѣтеля моего, Отца нашего званія, достопочтеннѣйшаго Архипастыря Рязанскаго и Зарайскаго Сергія. Онъ цѣлые восемь дней мучился... Сколько не старались предотвратить сію болѣзнь, но не могли... Послѣ собранія консиліума лѣкарей Рязанскихъ... было вынято изъ

больного какое то каменно-видное яйцо. Оно столько было крѣпко, что пудовою гирею не могли разбить его. Величиною оно не болѣе обыкновеннаго куринаго яйца. Сколько болѣзней намъ невѣдомыхъ! Чудно, что и самъ себѣ не знаешь. Послѣ молитвы, легши на постелю, долго не могъ заснуть—мечталъ о прошедшемъ и будушемъ. Какъ опасны мечты такіе! Какъ сильно воображеніе дѣйствуетъ! Чаще всего оно возвращаетъ насъ на старую блевотину грѣховъ, или грѣховныхъ мечтаній. Тоже было и со мной въ этотъ вечеръ. Невольно я строилъ для себя планъ будущей жизни. Я представлялъ себя въ уединенной хижинѣ съ Х. Сіе представленіе и прежде и послѣ услаждало меня. Будетъ ли это когда нибудь?..

11. Едва успѣлъ пробудиться отъ сна, слышу споръ (толико разъ производимый) между Мѳ. и историкомъ. Неблагоразумно я вмѣшался въ крикъ и самъ кричалъ не осторожно, даже въ классѣ, въ собраніи всѣхъ товарищей. Мы не престовали отъ споровъ—такъ, что всѣ засмѣялись сему. Но всѣ споры наши касательно сего предмета кончились такъ, какъ и прежде бывало всегда, ничѣмъ. Жаль было послѣ, что не умѣлъ молчать, но уже сдѣлано. Очень справедливо замѣтилъ одинъ писатель: „когда я говорилъ, то всегда послѣ раскаявался, а когда молчалъ, то былъ собою доволенъ“. И мнѣ бы надобно молчать всегда... На нѣмецкомъ классѣ читалъ я переводъ свой изъ Арндта: но какъ не кончилъ его, то Г. Пр. велѣлъ мнѣ придти къ себѣ въ комнату. Я прихожу—онъ встрѣчаетъ меня похвалою Автора—Арндта, вынимаетъ какую-то маленькую нѣм. книжку, и читаетъ о немъ слѣд. анекдотъ. „Одинъ Евангеликъ, или Лютеранинъ, углубясь въ размышленіе о своемъ спасеніи, нашелъ себя далекимъ отъ сей возвышенной цѣли, сталъ искать для себя надежныхъ руководителей, и послѣ долгаго размышленія рѣшился идти для сего въ Римъ. Этотъ городъ, какъ думалъ онъ, самъ въ себѣ, есть первая колыбель христіанства на Западѣ, слѣдов. тамъ я и могу найти себѣ надежныхъ руководителей къ совершенству духовному. Пошелъ—приходитъ къ одному Пастору (который былъ духовникомъ и одного сильнѣйшаго тогда Аббата, и слѣд., мужъ умный). Сей, выслушавъ его нужду, сказалъ: „Сынъ мой! поди съ миромъ домой, и читай съ прилежаніемъ и съ рев-

ностію творенія Іоанна Арндта". Вотъ какъ высоко цѣнятъ творенія сего мужа люди мудрые!

Другой случай почти невѣроятный еще болѣе покажетъ важность и т. ск. священность твореній сего мужа. (Во время чаю Ѳ. А. вынесъ другую книгу, и читалъ въ ней слѣдующее):

„Одинъ Лейтенантъ—папистъ, ненавистникъ Лютеранъ, ненавидѣлъ и книги ихъ. Однажды увидѣлъ у трубача своего, жившаго въ его домѣ, книгу сочиненій Іоанна Арндта. Тотчасъ схватилъ ее, и побѣжалъ съ нею въ кухню, гдѣ топилась тогда печь, бросилъ ее въ оную. Самъ простоялъ тутъ около четверти часа, дабы кто нибудь не вынялъ книги изъ печи. Подумалъ, что книга сгорѣла, и ушелъ. Трубадуръ приходитъ въ кухню, видитъ одни уголья раскаленные, сказываетъ хозяйкѣ дома о своей потери, и опять уходитъ. Набожная хозяйка жалуется на постояльца со слезами. Дочери постояльца смѣются надъ нею, и говорятъ— „простись съ своею драгоцѣнною книжкою, она сгорѣла, и папенька уже это 6 книгу такъ чествуетъ". Хозяйка еще бранила сама въ себѣ непріятеля слова Божія, какъ выражалась она, и еще сѣтовала на его. Вдругъ ей приносятъ двухъ курицъ съ повелѣніемъ изжарить ихъ для Лейтенанта. Она беретъ ихъ, разгребаетъ въ печи уголья лопаткою, дабы поставить на нихъ сковороду, и что же видитъ? книгу въ печи, и въ угольяхъ не мало не поврежденную даже ленточки, которыми была украшена книга, цѣлы. Она съ изумленіемъ бросается къ Трубачу. Сей сказываетъ о томъ своему Начальнику, и дѣло началось по формѣ суда. Судъ нашелъ все то справедливымъ, и сверхъестественнымъ. И Лейтенантъ сдѣлался искреннимъ почитателемъ и читателемъ чуднаго Арндта"...

Ѳ. А. даже сказывалъ и нѣчто изъ его Жизни. Арндтъ былъ отличный свѣдѣніями, и примѣрный по сердцу Пасторъ. Такъ дѣйствительно было его ученіе (разумѣется и теорія и практика), что многіе стали жить сообразно съ его ученіемъ. Зависть сему, и другія причины побудили многихъ Пасторовъ оклеветать его предъ Гальскимъ Университетомъ, тогда славнѣйшимъ въ Германіи. Его обвинили сперва въ томъ, будто онъ вводитъ между лютеранами Папизмъ, и поставили виною, что употребляетъ терминологію (или стро-

гія выраженія) Фомы Кемпійскаго, Герарда и Іоанна Тейль. Но въ первомъ онъ оправданъ, а второе сочли нелѣпымъ, безъ-разсуднымъ обвиненіемъ. Итакъ всегда страдаютъ добрые отъ злыхъ. Зависть всегда силится помрачить славу другаго. И самое доброе дѣло представляетъ она въ видѣ злаго. Какъ ниски, страшны и отвратительны страсти! Всякая изъ нихъ есть безуміе и смѣхъ.

Послѣ всенощной до самой утрени читалъ я книгу подъ заглавіемъ: Іоаннъ Хейглингъ 4-й и Послѣдній владѣтель духовъ. Повѣсть X вѣка. Сочиненіе Г. Шписъ, въ 6-ти частяхъ. Сильно въ ней описаны страсти человѣческія! и довольно ясно показано достоинство человѣка, состоящее въ его душевныхъ силахъ, особенно важность разума, воли и совѣсти. Довольно сильно выражена злоба духовъ злыхъ, и доброта добрыхъ. Лишь окончилъ чтеніе, вдругъ ударяютъ къ утрени въ „царя“. Охъ, какъ величественно! Толстой гулъ, глухой стонъ величайшаго въ Россіи колокола въ состояніи былъ возбудить во мнѣ сперва мысли мрачныя. Но я примѣнялъ этотъ сильный звонъ въ темнотѣ ночи къ сильному голосу въ сердцѣ человѣческомъ. И въ самомъ дѣлѣ, сходство разительное. Всѣ сцятъ глубокимъ сномъ, одинъ онъ реветъ, и потрясаетъ стекла. Онѣ дребезжатъ съ визгомъ. Не есть ли это образъ того состоянія, когда человѣкъ, утомившись наслажденіемъ чувственности, наслажденіемъ непозволительныхъ удовольствій, борется съ своею совѣстію? Она такъ же сильно говоритъ въ обвиненіи его, какъ этотъ колоколъ звучитъ въ стѣнахъ Лавры. Въ сихъ размышленіяхъ я уснулъ, и спалъ крѣпко до самаго утра...

12. Сіе утро началось спорнымъ крикомъ о достоинствѣ нарѣчій нашего и Московскаго [1]). Чуть было я не поссорился въ такой бездѣлицѣ съ Ив. Б. Онъ уже и началъ было меня порядочно задѣвать, но къ счастію я ушелъ въ залу, и все кончилось. Завѣтъ полагаю устномъ моимъ, да не разверзаются онѣ для ссоры съ товарищами! Изъ залы я возвратился въ свою комнату написать отчетъ вчерашнему дню. Вотъ и написалъ уже и для настоящаго не много. Теперь пора идти въ Церковь—слушать проповѣдь Отца

---

[1]) Костромского, т. е. *о*-кающаго, и Московскаго—*а*-кающаго.

Инспектора. Чу, ужъ „царь“ отревелъ къ „достойну“. Чу, ужъ реветъ предъ молебномъ—иду, бѣгу, лечу...

Говорено было о причинахъ благостоянія народа. Расположеніе приступа таково: Мы теперь стеклись молиться за Царя. Но какъ благодѣнствіе и добродѣтели его суть и наше благо потому, что благо Царя не разлучно отъ блага народа, то молясь за Царя, мы молимся вмѣстѣ и о себѣ. Итакъ, предметъ настоящей молитвы есть благодѣнствіе: то и предлагается о причинахъ сего благодѣнствія. Трактація представляется въ семъ видѣ: многіе причины содѣйствуютъ ко благодѣнствію народа, и—1, внѣшнія, между ими первое 1, Гражданскій порядокъ народа, 2, его богатство или бѣдность, и, наконецъ свойство окружающихъ или сосѣднихъ народовъ. Все сіе (служитъ или содѣйствуетъ) имѣетъ вліяніе на благодѣнствіе народа. Впрочемъ, не внѣшнюю его сторону, а внутреннее и главное основаніе сего благодѣнствія суть внутреннія его качества, то есть добрая нравственность. Но наконецъ какъ сія или такая нравственность не можетъ быть безъ Іисуса Христа, потому что Онъ есть прямая истина, путь, и Животъ, то слѣдуетъ, что тотъ только народъ истинно благодѣнствуетъ, который вѣруетъ въ Іис. Христа, который руководитъ его Б. Словомъ, и въ которомъ всякій человѣкъ, или гражданинъ есть истинный послѣдователь І. Христа, кто и мыслитъ, и говоритъ и дѣлаетъ взирая на Начальника и совершителя вѣры І. Христа. Заключеніе очевидно.

Послѣ обѣдни ходилъ съ Ив. Ив. гулять по Моск. улицѣ; прошли ее всю. Возвратились чрезъ садъ на Балконъ, куда въ первый еще разъ вступили при началѣ этой весны. Тогда какъ были на Балконѣ проходилъ Θ. А. Г. Встрѣчаются съ нимъ двѣ старухи, онъ подаетъ имъ милостыню, и подаетъ съ приличною ему скромностію. Вотъ сказалъ я самъ себѣ:—такъ то дѣлаютъ добро тѣ, которые прямо добры сердцемъ, и еще: добрый человѣкъ всегда добръ. Отсюда ходили на колокольню. Тутъ были до вечеренъ любуясь окрестностями, а болѣе слушать „царя“, который такъ сильно реветъ, что въ другомъ ярусѣ, когда идешь во время благовѣсту вверхъ, чувствуешь въ груди стѣсненіе или потрясеніе, а какъ сидишь подлѣ него во время благовѣста, то чувствуешь будто вся колокольня дрожитъ, и шляпа

на головѣ какъ бы такъ же качается. Возвратившись домой легли спать. Тутъ въ вечеру и утромъ каждый день занимались повтореніемъ Философской Исторіи.

13. Послѣ вечеренъ я получилъ изъ К. отъ Брата письмо, гдѣ онъ писалъ о бунтѣ въ Семинаріи, о лѣкарѣ въ В. и о томъ, что были въ К. дядя Гаврило Ив. и Алексѣй Васильевичъ. Во время сумерекъ занимались разговорами о различныхъ предметахъ. Между прочимъ я слышалъ смѣшную исторію объ одномъ изъ нашихъ товарищей изъ Влад. Семинаріи: Этотъ человѣкъ, будучи малъ тѣломъ, имѣетъ великое честолюбіе, а при томъ уже гордость неумѣстную. Въ св. Семинаріи будучи лекторъ Нѣм. языка, онъ всегда считалъ себя на ряду съ Профессорами [1]), за что часто и бывалъ конфуженъ. Вотъ что случилось съ нимъ однажды. Семинаріи Ректоръ былъ имянинникъ (само собою разумѣется, что) были у него на водкѣ и при обѣдѣ всѣ знатные духовные отъ Архіерея до почтенныхъ священниковъ. И сей явился туда, и онъ сталъ было пить водку, онъ уже взялъ и рюмку, но Архіерей, грозя перстомъ, кричитъ: рано, рано! Это ему ничего. Стали садиться за столъ—ему нѣтъ ни стула ни прибора: бѣдняжка пятиться, пятиться, и тягу! Вотъ каково любочестіе и въ маломъ человѣкѣ! Что если онъ сдѣлается сильнымъ и славнымъ? Бѣда—бѣда. И теперь приметенъ въ немъ духъ господства. Но оставимъ его. Весь вечеръ до 1-го часа писалъ я философскую Исторію, за то на другой день я всталъ поздно.

14. Сегодня была пятница, но къ удивленію нашему приходитъ въ классъ В. Ив. Кутневичъ, тогда какъ надлежало бы Ѳ. А. Послѣ обѣда былъ я у Отца Сергія съ письмомъ брата. Отецъ Сергій не здоровъ былъ простудою, что очень примѣтно изъ всего его тѣла и разговоровъ. Къ вечеру писалъ брату письмо—совѣтовалъ ему терпѣливо сносить неудовольствія отъ Начальниковъ, и не пріобщаться къ бунтовщикамъ. Послѣ молитвы до 2-го часу по полуночи сказывали другъ другу повѣсти о разбойникахъ—даже страшно было слушать, когда погасили огонь, но не хотѣлось тушить. Такъ то и любопытство перерождается не рѣдко въ страсть.

---

[1]) Преподаватели Семинаріи тогда назывались также *профессорами*.

15. Сегодня послалъ письмо къ брату. Послѣ классовъ ходилъ къ отцу Сергію—пилъ чай. Между прочимъ читалъ любопытныя и полезныя статьи: 1, Изображеніе І. Хр. найденное въ Римѣ, гдѣ Консулъ Римскій, правящій Іудѣею, описываетъ І. Х. какъ совершеннаго человѣка. 2, Изображеніе человѣка въ 4-хъ состояніяхъ духа, а, до обращенія его къ Богу, b, лицемѣра, c, обратившагося и d, благодарнаго. Все сіе полагаю себѣ за правило списать и перечитывать, какъ можно чаще. Первую половину Марта кончилъ всенощною. Кончается и первая тетрадь записокъ.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА МАРТА.

16. Этотъ день былъ радостенъ для всей Академіи. Лишь кончилась обѣдня, въ ту же минуту входитъ въ Олтарь Экспедиторъ въ парадномъ платьѣ (мундирѣ) [1]). Мы всѣ съ нетерпѣніемъ желали узнать причину сего. И вдругъ Отецъ Ректоръ выходитъ изъ Олтаря въ Новой Кавалеріи св. Владиміра 3-й ст. Радость изобразилась на всѣхъ его питомцахъ. Вотъ примѣръ любви къ Начальнику доброму. И весь этотъ день въ часы свободные отъ занятій, говорили объ этой радости.

17. Сегодня я преступилъ долгъ воспитанника—между классами ходилъ гулять... съ N. N. Едва просидѣлъ Греческій классъ. Послѣ сего пилъ чай у В. Ив. А. Многое говорилъ неосторожно, такъ что тотъ на другой день мнѣ выговаривалъ. Конечно, пагубна неосторожность во всемъ, то и мнѣ бы надлежало воздержаться отъ того и другаго.

18. Отецъ Р. праздновалъ въ сей день св. Ангела. Служили преждеосвященную обѣдню и молебенъ о здравіи его всѣ духовные Академическіе. Стоя въ церкви я начиналъ раза два плакать во время концерта. Такъ меня тронулъ онъ, что я и самъ не знаю, отъ него почувствовалъ умиленіе въ сердцѣ. Обѣдали мы уже поздно. Послѣ обѣда, такъ какъ и до обѣдни, я читалъ лекціи В. И. К., а къ вечеру философскую Исторію. Послѣ звонка къ спанью приходилъ Ѳ. П. П. Разговаривали, между прочимъ, мы о Вас. Алек., который

---

[1]) Изъ мѣстной почтовой конторы.

оставилъ жизнь на Красной башнѣ. Объ этой же матеріи говорили и предъ самымъ сномъ. Я уснулъ уже въ 12 часу.

19. Въ сей день по обыкновенію христіанъ было молебствіе въ залѣ О. Р., что бываетъ въ Академіи каждогодно въ сей день, т. е. на Четвертокъ пятой недѣли поста. Я чуть, чуть простоялъ до конца службы. Рѣзь въ желудкѣ чуть не заставила меня выйти изъ залы. Я такъ утомился, что какъ скоро пришелъ домой, то и легъ спать съ намѣреніемъ заутра встать ранѣе.

20. Сегодни всталъ въ 4-мъ часу—для повторенія Ф. Исторіи. Сегодни М. Г. М. сталъ спрашивать новымъ методомъ, т. е. сказывалъ, кого намѣренъ спросить другого, дабы этотъ могъ приготовиться. Особенное на классѣ Гражд. Исторіи со мною случилось слѣд. Когда П. П. читалъ изъ Карамзина о послѣднемъ покареніи Казани при Ив. В. Грозномъ, то у меня невольно вырывались слезы. И самъ не знаю, отъ чего это собственно происходило. А кажется отъ сердечнаго желанія добра отѣчеству, т. е. когда видишь въ исторіи, какъ оно возвышается преодолѣвая всѣ препятствія: то радуешся сему, а когда видишь его падающимъ подъ бременемъ бѣдствій: то болѣзнуешь и проч. Впрочемъ, кажется, болѣе всего подѣйствовало къ возбужденію умиленія въ сердцѣ чудное краснорѣчіе историка Н. М. К. Этотъ историкъ не однажды уже извлекалъ изъ меня слезы. Ахъ, какъ бы я желалъ (имѣть) у себя драгоцѣнныя книги пера его! Я не знаю ни одного человѣка изъ Россіянъ, кто бы писалъ такъ нѣжно, и живо, какъ этотъ. Онъ ближе всѣхъ писателей (говоритъ) подходитъ къ чувству, сильнѣе всѣхъ говоритъ сердцу чувствительному.

Послѣ бани ходили гулять съ М. А. выпили пол-пивца за здравіе О. А., который прислалъ В. И. на этой недѣлѣ 10 руб. Пришедши у В. И. пили чай. Послѣ спорили о превосходствѣ нашихъ Костр. протопоповъ. Я за Груздева, а тотъ за Знаменскаго. Лишъ подали огонь: то Барановъ принесъ письмо отъ Тим. Ив. Онъ пишетъ, что печатка готова и посылаетъ съ 2 ф. табаку. Тутъ же пишетъ, что онъ не здоровъ одышкою, и кашлемъ, а вѣрнѣе уже чахоткою. Жаль, жаль отъ всего сердца такого милаго друга, друга можно сказать единственнаго въ настоящемъ нашемъ положеніи. Онъ одинъ съ Павл. Ив. пишетъ къ намъ, и по мѣрѣ

силъ благодѣтельствуетъ... Прочіе всѣ, даже тотъ: на котораго я болѣе всего надѣялся, даже Георгій П. забылъ меня.

Въ вечеру я писалъ И. Ф. Спать хотѣлось чрезвычайно, но не смѣлъ лечь, ожидая отца Инспектора. Охъ, какъ тяжело иногда бываетъ чувствовать руку принужденія! Пусть бы одни пороки были воспящаемы; а то иногда не смѣешь, если часы еще не вышли, пуститься и на такое удовольствіе, которое невинно, и даже нужно, каковъ есть сонъ.

21. Въ 12-мъ часу В. Ив. Ам. принесъ съ почты посылку отъ Ив. и П. Ив. Ябл., то-есть, табаку два ф. и въ немъ печатка мнѣ, и 20 коп. сереб. всѣмъ. Табаку чуть не половину разсыпали по табакеркамъ, лишъ только я развернулъ его. Печатку хвалили всѣ и дивились искусству мастера. Многіе не вѣрили, чтобы это вырѣзалъ кто нибудь неучившійся сему у искуснаго художника. Многіе спрашивали, что за камень, сомнѣвались, чтобы можно было простымъ орудіемъ обдѣлать его такъ браво. Словомъ, непрестанно спрашивали, хвалили, дивились и всякій желалъ и говорилъ: Ахъ, нельзя ли мнѣ доставить такой? Послѣ часовъ, обѣдни и обѣда ходилъ я къ О. Сер. съ присылкою своею, и тутъ было тоже—та же похвала и удивленіе. Я пилъ тутъ чай, хотя и рано было еще. Въ разговорахъ о болѣзняхъ я замѣтилъ сіе мнѣніе. Одинъ больной жаловался часто одному отшельнику на свои болѣзни. Сей, послѣ многократныхъ такихъ жалобъ, наконецъ сказалъ ему: *перестань хвалиться своими грѣхами.*

Онъ разумѣлъ, что болѣзни наши суть слѣдствіе грѣха. Да и правда, кажется, если не всегда распутство, то сколько невоздержаніе въ пищѣ бываетъ вредно для насъ, сколько неумѣренный сонъ и пр. Въ вечеру было стояніе въ залѣ о. Р., поэтому я и не писалъ отвѣта къ Т. И. и П. И.

22. Отецъ Гавріилъ пришелъ въ классъ и вышелъ ранѣе обыкновеннаго, такъ что многіе не успѣли и быть въ классѣ. Въ этотъ день страдалъ я головной болью и слабостію во всемъ тѣлѣ. Нѣмецкаго класса не было, т. е. профессоръ не приходилъ. Послѣ всенощной въ 3-мъ № представляли различныя тѣни—въ темной комнатѣ. Изъ ящика, въ которомъ поставлены были двѣ свѣчи, отражались чрезъ увеличительное стекло (ларнетъ) на алую простыню всѣ тѣ предметы,

картинки или лица, какія ставили за свѣчами въ ящикѣ въ верхъ ногами, напр. отражались Китайскія тѣни, лица архіерейскія какъ-то: Меѳодія Тульскаго и Евгенія Митр. Кіевскаго въ полномъ видѣ, какъ нарисовано, также философъ Кантъ, Юнгъ и проч., и съ табакерокъ лица отражаются также, какъ и съ картинъ. Сіе представленіе продолжалось съ 10-го до 12-го часа. Тутъ я написалъ не много Ф. И. и легъ спать, чувствуя сильную боль въ головѣ и въ глазахъ. Особенно съ четверга занимаетъ меня мысль о болѣзни въ ногахъ моихъ отъ простуды. Я боюсь и даже думаю, что я не долго буду жить. О Боже, сохрани меня грѣшнаго!

23. Вчерашняя боль въ головѣ и въ глазахъ еще все продолжалась, такъ, что я уже побоялся идти въ церковь, дабы болѣе не простудить себя. Пришелъ было въ залу, но опять ушелъ домой, и теперь сижу дома, и пишу эти строки предъ самой „достойной“. И чу, вотъ сей часъ ударили. Послѣ обѣдни отдохнулъ и ходилъ гулять на Башню. Въ вечеру и по утру на другой день занимался повтореніемъ философской Исторіи.

24. Мо. Е. не сталъ повторять лекціи, и я ушелъ изъ класса въ Бальницу. По утру до класса принималъ порошокъ... Сегодни ходили къ часамъ, но я былъ въ комнатѣ. Послѣ часовъ и обѣдни отдыхалъ, тутъ ходилъ гулять. Послѣ предъ ужиномъ и послѣ ужина читалъ книгу подъ заглавіемъ „Слѣдствія моднаго воспитанія“. Въ ней довольно живо описаны пагубные слѣды моднаго воспитанія свѣтскаго, которое не подкрѣпляется религіею. Довольно ясно изображены чувствія и страсти свѣтскаго человѣка, хладнокровнаго къ религіи. Особенно ясно изображено его самообольщеніе, что онъ не грѣшникъ. Ясно такъ же показаны его гордость и самолюбіе, пристрастіе къ міру и забвеніе Божіихъ.

25. Такъ какъ вчерась не пѣли всенощной въ залѣ, то сегодня ходили въ Церковь молиться Богу. Отстоявши утреню, я перешолъ въ Бальницу, и вотъ ужъ принялъ лѣкарство, т. е. порошокъ. Для ногъ дали мнѣ спирту, которымъ должно тереть ихъ. Пишу это въ 10-ть часовъ во время обѣдни, сидя одинъ въ комнатѣ своей. Послѣ обѣда натиралъ ноги свои спиртомъ и послѣ вечерень такъ же. А послѣ ужина

подлѣкарь вытеръ мнѣ и спину. Ноги я теръ самъ. Ночь проспалъ спокойно бы, есть ли бы не было холодно въ комнатѣ, и ноги были теплы, послѣ того, какъ натеръ ихъ спиртомъ.

26. По утру принявши порошокъ и запивши грудною травою, до обѣда занимался повтореніемъ философской Исторіи. Въ 12-ть часовъ опять принялъ порошокъ. Передъ отдохновеніемъ послѣ обѣда натиралъ ноги спиртомъ. Послѣ ужина натирали спину и ноги спиртомъ. Въ вечеру и днемъ я занимался повтореніемъ философской исторіи.

27. Всталъ ранѣе обыкновеннаго для повторенія Философской Исторіи. Тутъ ходилъ въ классъ, куда приходилъ О. Р. по окончаніи своего класса. Пришедши изъ класса, читалъ книгу подъ названіемъ: „Юлія или подземелье замка Мадзини“. Сочиненіе Радклифъ.[1]) Ужасныя картины! Маркизъ— хозяинъ этого замка, содержалъ въ подземельѣ первую жену свою цѣлые дватцать лѣтъ въ замкѣ, а послѣ самъ былъ отравленъ ядомъ отъ второй жены, женщины гордой и распутной. Послѣ его остались наслѣдниками сынъ его Ф—рдъ и Юлія съ Эмиліей, кои всѣ родились отъ первой супруги. Таково содержаніе книги. Сочинительница заключаетъ книгу сію слѣдующими словами, которые слово въ слово приводятся здѣсь: „Размышляя о произшествіяхъ, представленныхъ въ сей книгѣ, мы видимъ поразительный примѣръ нравственнаго воздаянія, видимъ, что несчастія тѣхъ, которые свято исполняютъ свои обязанности, суть только искушенія ихъ добродѣтелей, которыя даютъ имъ священныя права на покровительство Божіе, и что злодѣи рано или поздно всегда дѣлаются жертвами своихъ злодѣйствъ“.

28. По утру ходилъ было къ эконому просить денегъ за рубашки и шляпу: но онъ отказалъ. Итакъ, я пошелъ къ о. Ректору послѣ обѣда. Онъ велѣлъ выдать и за то и за другое и я получилъ за рубашки денегъ 15 ру. въ вечерни, а послѣ ужина и за шляпу. Въ этотъ день поутру занимался и писаніемъ философскихъ лекцій В. И. Кут. Послѣ обѣдни все пробѣгалъ и просуетился, то за билѣтомъ, то за день-

---

[1]) Соч. *Анчы Радклифъ*. Пер. съ фр.—4 части. М. въ Унив. типогр 1802 г. Изданіе 2-е, 4 части. М. Типогр. Семена 1819 г.—Переводъ съ нгл. 4 части. М. въ Университ. типогр. М. 1803 г.

гами, то за платьемъ. Послѣ вечерень, какъ пришелъ лѣкарь въ Больницу, то я выпрашивался у него изъ оной. Онъ примѣтно поосердился на меня, когда узналъ, что я ѣду въ М., однако препятствовать не сталъ, сказалъ только, что я хотѣлъ было нынѣ дѣлать какую то припарку для ногъ. Но вдругъ и отказалъ, только велелъ натереть спиртомъ ноги. Спину и ноги я самъ уже вытиралъ, ибо Шниперъ уже заснулъ. Въ вечеру я занимался писаніемъ начерно письма къ Макар. Протопопу. Легъ спать почти уже въ 10-ть часовъ, когда и свѣчька совершенно догорѣла. Жаль было, что опустилъ случай попросить казенныхъ денегъ въ Москву, но нечего дѣлать—самъ ошибся, что даже мнѣ замѣтилъ и экономъ.

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ ВЪ ПРОДОЛЖЕНИИ ПОСЛѢДНЕЙ ТРЕТИ.

АПРѢЛЯ.

16 числа пріѣхавши съ М. А. изъ Москвы еще до обѣда явились къ начальникамъ, которые не смотря на то, что мы опоздали, хотя было и противъ нашей воли, приняли насъ съ обыкновенною имъ благосклонностію. Въ этотъ день я ничего не дѣлалъ уставши съ дороги и немного простудившись.

17. Послѣ классовъ и послѣ бани ходилъ собирать свѣдѣнія о схимонахинѣ Е. по прозьбѣ А. Ѳ. отъ которой еще до меня получено А. Авв. письмо. По сему случаю былъ у Іером. Павла, духовника Хотьк. монахинь.

18. Послѣ классовъ писалъ отвѣтъ на письмо А. Ѳ. и благодарность Т. И. за печатку и П. И. за пищу для носа. [1])

19. Ничего не случилось особеннаго со мною, только стоявши въ церквѣ за всенощною, чувствовалъ какой то холодъ, особенно въ ногахъ. Въ этотъ день совершали въ Лаврѣ и въ Академіи поминки по Преос. Арх. Симеонѣ Ярославскомъ. Послѣ обѣдни собирались въ Конференцію. Нашъ старшій Ив. Гр. Арх. говорилъ рѣчь и въ продолженіи рѣчи, особенно въ продолженіи панихиды въ церквѣ, при воззрѣніи на толпу народа, нельзя было не чувствовать

[1]) Табакъ нюхательный.

какого то безпокойства, какого то страха о собственной участи. Но при воспоминаніи покойника видишь, чувствуешь тщету здѣшней жизни, пустоту мірской славы и ничтожество земного величія.

20. Послѣ обѣдни ходилъ гулять съ А. А., но все что то казалось скучнымъ.

21. 21. Исключая того, когда сидѣлъ въ классѣ, непрестанно занимался повтореніемъ философскихъ лекцій В. И. К. При всемъ томъ, что вставалъ рано и ложился поздно, чуть, чуть успѣлъ изготовиться къ повторенію. Такъ трудны для понятія кажутся мнѣ лекціи сіи, что не знаю, какъ Богъ поможетъ кончить труды философскіе.

23. Тоже повтореніе лекцій заставило встать въ три часа. Въ продолженіи дня возставали въ сердцѣ какія то печальныя чувствованія въ тѣ минуты, когда голова не занята была философщиною. Всегда бывало, что я при воспоминаніи о друзьяхъ представлялъ себѣ ихъ вѣроломство и вообще обманчивость надеждъ на другихъ, но особенно въ этотъ день я не могъ не помышлять о томъ, что люди всегда любятъ только самихъ себя, любятъ и другихъ, но тогда, когда въ нихъ видятъ самихъ себя какъ бы на картинѣ предъ глазами. Такъ то не постояненъ человѣкъ! такъ то быстро перемѣняются въ насъ мысли и чувствованія! Тебя любятъ, когда съ тобою живутъ, но удались—любовь охладѣетъ—замерзнетъ, и тебя забудутъ, забудутъ совершенно. Такъ поступили и со мной мои вѣрные друзья. Всѣ сіи мысли возбуждены были воспоминаніемъ имянинъ Г. В. П.

24. Сегодня меня спрашивали по двумъ классамъ, по философской Исторіи и Исторіи Гражданской. По первой отвѣтилъ неудачно, не смотря на то, что вчерась цѣлыхъ пять часовъ и сегодня по утру два часа занимался ею. Вотъ доказательство, что моя память часъ отъ часу становится слабѣе, къ большему огорченію, самый языкъ, такъ сказать, измѣняетъ въ выговорѣ словъ. Послѣ того страшусь, что бы не потерять и всѣхъ моихъ трудовъ въ будущности. Мысль печальная. Обращаюсь только съ надеждою къ Богу. Господи! Помози мнѣ грѣшному. Послѣ обѣда ходилъ я въ 1-й разъ послѣ Пасхи въ Пафнутьевъ садъ гулять. Пришедши отдыхалъ до вечеренъ. Тутъ, напившись ромашки, взялъ въ руки эти записки и написалъ въ нихъ то, что есть здѣсь.

Теперь иду послушать полковой музыки со стѣнки... Да, вотъ забылъ. По утру до класса проходила рота солдатъ въ Москву. Лишь только сравнялись съ монастыремъ, тотъчасъ запѣли пѣсню. Это меня очень тронуло. Такъ то, думалъ я, міръ уважаетъ пустыню. Соблазнъ для отшельниковъ. Тогда какъ сидя на верху Красной башни я слушалъ музыку, съ противной стороны поднялся вѣтеръ, прудъ покрылся рябинами, и полилъ дождикъ. Въ первый разъ послѣ Пасхи услышалъ я громъ и увидѣлъ дождикъ въ Лаврѣ. Это было въ 8-мъ часу вечера. Послѣ ужина ходилъ къ О. Сергію съ К. макомъ, который присланъ былъ для пересылки въ К. къ П. И. Т. Съ О. Т. носилъ цвѣты въ садъ, прошелъ разъ пять съ М-мъ по Бѣлому бульвару, пришелъ домой и легъ спать, написавши сіе, съ намѣреніемъ встать заутра ранѣе.

25. Большею частью занимался писаніемъ, писалъ имянно къ родителямъ—въ Кострому и въ Нѣрехту. Между классами приходилъ ко мнѣ тотъ больной порутчикъ, который лежалъ со мной въ Университетской Больницѣ. Онъ пробирается въ Петербургъ. Вотъ странный человѣкъ. Говоритъ, что сынъ Генерала и богатаго, который имѣетъ 700 душъ вотчины, а между тѣмъ идетъ безъ хлѣба и безъ ногъ, питается подаяніемъ. Межу тѣмъ веселъ, какъ будто ни въ чѣмъ неимѣющій недостатка. Онъ жалуется на родителей, что они бросили его. Они живутъ въ Смоленс. Губерніи, изъ фамиліи Булычевыхъ, именемъ Иванъ Михайловъ сынъ Булычевъ.

Послѣ ужина ходилъ слушать за монастырь полковой музыки, полка Владимірскаго, который пробирался въ Москву. Музыка очень хорошая. Особенно прекрасно играли самую послѣднюю штуку—„Колъ славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“.

26. Вчерашнія письма сегодня досадили. Два раза я возвращался ихъ перепечатывать—убавлять ихъ. Экспедиторъ Гардѣевъ такъ строгъ, что ни одной лишней унціи, ни грана не приметъ безъ другихъ денегъ.[1]) Поэтому я и проходилъ весь классъ Историческій. А классъ Нѣмецкій проспалъ. Всталъ, или лучше, только пробудился уже въ три

---

[1]) Т. е. безъ доплаты.

часа съ четвертью. Вотъ какъ можно не исполнить должности противъ воли! и хотѣлъ бы... но проспалъ.

Во время всенощной услышалъ имя Симеона, и вспомнилъ, что завтра имянинникъ мой пріятель. Поэтому въ молитвахъ, можетъ быть грѣшныхъ и недостойныхъ, просилъ и объ немъ, сколько могъ. То же самое представлялъ и во время обѣдни на другой день.

27. Весь день почти шелъ небольшой дождикъ, и по утру до обѣдни я любовался этою картиною съ высоты двухъ башенъ къ Москвѣ. Послѣ обѣда и послѣ отдыха занимался повтореніемъ философской Исторіи.

28. Для той же исторіи всталъ ранѣе обыкновеннаго. Послѣ классовъ до ужина занимался лекціями В. И. К. Послѣ ужина разговаривали о бѣдности и недостаткахъ жизни Семинарской, потомъ о вольнодумствѣ обучающихся въ свѣтскихъ училищахъ, особенно Медико-Хирургической Академіи, въ которой столь мало дорожатъ жизнію, что почти безъ всякихъ причинъ дѣлаются самоубійцами. Напр. и въ нынѣшнемъ году одинъ изъ студ. этой Академіи, впрочемъ отданный уже въ военную службу, застрѣлился въ Академіи, пріѣхавши побывать въ Москву. Другой передъ самою Пасхою хотѣлъ зарѣзаться, но не могъ. Оба они, къ сожалѣнію, изъ нашего званія. Вотъ что производитъ воспитаніе безъ страха Божія. Есть-ли бы жили въ Семинаріи: то вѣрно никогда бы не дошли до сего. Безъ религіи, безъ нравственности человѣкъ есть погибшее твореніе. Поэтому я всегда буду помнить совѣтъ одного умнѣйшаго изъ профессоровъ нашей Академіи своему брату — солдату: любезный братецъ, держись религіи... Ѳ. А. Петру А. Голубинскому.

29. Послѣ классовъ занимался повтореніемъ философскихъ лекцій по классу Логики. Легъ спать уже въ 1-мъ часу. Особеннаго ничего не было.

30. Послѣ 1-го класса, въ продолженіи котораго и мнѣ случилось удачно отвѣтить В. И. К., занимался весь день писаніемъ философскихъ лекцій De judiciis... Предъ ужиномъ выпросили старшіе на завтрашній день рекреацію. Поэтому послѣ ужина въ нашу комнату собрались было слушать музыки Г.Г. студентовъ. Но пріѣздъ Отца Инсп. разрушилъ все. Всѣ разбѣжались по своимъ комнатамъ. Вотъ что значитъ жить подъ страхомъ, и невинныя удовольствія счи-

таются порокомъ. Послѣ ужина я опять писалъ de judiciis. Уснулъ также въ 1-мъ часу.

МАІЯ

1. Въ сегодняшнее число была рекреація. Я всталъ въ 5-мъ часу, до обѣда писалъ лекцію. Послѣ обѣда гулялъ въ Пафнут. саду съ М. А. За симъ отдохнулъ съ часъ, тутъ пошелъ въ Баню. Послѣ бани, напившись чаю у В. И. пошли съ нимъ гулять. Доходили до конца Переславки, отселѣ до половины дороги къ Корбухѣ. Назадъ прошли черезъ Нижній... въ садъ Паф., обошли его кругомъ и возвратились домой въ началѣ 8-го часа. Вотъ какова была вся наша рекреація. Это писано передъ ужиномъ. Что будетъ послѣ— не знаю. Да, вотъ забылъ было содержаніе нашего разговора. Главный предметъ разговоровъ былъ родина, радости и веселья, которыя обѣщаетъ она или которыми наслаждались въ прошедшіе годы.

Пріятно вспомнить старину (старое)
Пріятно въ будущность взглянуть:
Коль сердцемъ чистымъ обладаешь,
Коль вѣстникъ внутренній вѣщаетъ
Тебѣ, что ты исполнилъ долгъ—
Долгъ человѣка—сколько могъ.

Но я заврался, пока кончить—пора ужинать. Ставлю перо въ чернильницу опять съ мыслями о родинѣ. О родина! родина!..

2. Послѣ классовъ писалъ изъ толкованія Св. П. о Пророкахъ прибавленіе, вновь выданное. Болѣе не знаю что записать.

3. Послѣ классовъ писалъ изъ Исторіи Гражданской о Іоаннѣ В. III-мъ или Великомъ, о сынѣ его Васильѣ Іоан. и о сынѣ сего Іоаннѣ IV Грозномъ. Впрочемъ, послѣ Нѣмецкаго класса ходилъ съ Н. Н. въ садъ Пафнутьевъ наслаждаться свѣжимъ воздухомъ молодыхъ цвѣтовъ и деревъ.

4. До обѣдни писалъ тоже, что и вчерась. Послѣ обѣдни опять въ Пафнутіевъ, тутъ отдыхалъ. Послѣ съ М. А. ходили на Корбуху—я еще въ 1-й разъ послѣ Пасхи и съ удовольствіемъ. Разговоры наши были обыкновенные —вхо-

дили туда и мечтали о прошедшемъ и будущемъ, о провожденіи времени въ Языкинѣ и пр. и пр. Возвратившись въ комнату, я занялся писаніемъ Фил. Исторіи, имянно Канта. Послѣ ужина были въ треугольномъ Садикѣ. Возвращаясь слышалъ, что сегодни выдали одному солдату жалованья 300 палокъ за... насильство. Кажется, достойное злодѣя наказаніе! Бѣда, есть ли бы такихъ развращенныхъ людей оставляли безъ наказанія, тогда бы... ни порядка, ни добра не надлежало и ждать отъ этого сословія.

5. Весь день гнѣздились въ головѣ какіе то химеры, особенно воображеніе занималось представленіемъ того, будто бы пришли сюда изъ Горкина... или пріѣхали изъ Языкина... Даже все это происходило почти противъ собственнаго желанія, даже досадно было на самого себя, что мало дѣлаю тогда, какъ дѣла не передѣлать. Среди сихъ химеръ я въ четыре часа, отъ класса до ужина, выучилъ только одну четвертинку. Вотъ какъ дѣйствуютъ надъ нами постороннія мысли! Страшусь, есть ли часто будетъ со мною... Только вчерась еще услышалъ я, что тотъ крестьянинъ, который прошедшій годъ въ 12-е Марта оказывался исцѣленнымъ отъ нѣмоты, обманулъ всѣхъ.—Онъ точно не говорилъ цѣлые 8 лѣтъ, но только по своей волѣ—и страха, чтобы не отдали его въ солдаты. Все сіе онъ объяснилъ духовнику на исповѣди. Поэтому то и умолчали объ этомъ мнимомъ чудѣ. Чего не дѣлаетъ этотъ страхъ быть отдану въ солдаты! сколько калѣкъ! сколько уродовъ видимъ въ сихъ страшащихся! даже иногда доходятъ они до самоубійства. Такъ, сказывалъ Ив. Гр. Арх. Одинъ молодой крестьянинъ, желая избавиться солдатства, захотѣлъ оторвать себѣ персты у ногъ въ мельничномъ колесѣ, но у него оторвало и всю ногу, и онъ въ тотъ же день умеръ...

6. Сегодня проспалъ до самаго класса и между классами [1]) также спалъ. Столько было тяжко въ этотъ день, какъ будто что то особенное тяготило все тѣло. Однако послѣ классовъ до ужина занимался повтореніемъ философскихъ лекцій почти безъ принужденія. Послѣ ужина разсыпавъ землю по цвѣточнымъ банкамъ занимался такъ же повтореніемъ лекцій до часа засыпанія.

---

[1]) До обѣда и послѣ обѣда въ то время были лекціи (см. 16-е Мая).

7. Между классами и послѣ классовъ писалъ лекцію по классу В. И. К. Послѣ вечеренъ ходилъ къ О. С. взялъ у него цвѣточьковъ и посадилъ въ банки. Тутъ пошелъ ко Всенощной.

8. Поутру выправлялъ философскіе лекціи по классу Исторіи. Послѣ обѣда отдохнувши писалъ de judiciis до самой Всенощной, которую слушали сегодни въ Успенскомъ соборѣ, на хорахъ. Послѣ Всенощной тоже писаніе, уснулъ уже въ часъ.

9. Сегоднишняя обѣдня замѣчательна для меня по чувству родившагося во время ея особеннаго благоговѣнія. По-элику я стоялъ на хорахъ, потому могъ видѣть то, что совершалось въ олтарѣ священнодѣйствующими и видѣть то благоговѣніе, съ которымъ стояли они предъ престоломъ, видѣлъ, какъ они проникнутые молитвою свидѣтельствовали ее внѣшними знаками. Все это сильно дѣйствовало на сердце, которое часто очень сильно забываетъ Того, кто создалъ и охраняетъ его. Особенно тронуло меня то, какъ служители Господни приготовлялись къ принятію Святаго Тѣла и Крови Спасителевой, какъ они стояли поникши главы, и когда съ умиленіемъ приступали къ совершенію непостижимаго таинства. Я готовъ былъ тогда проливать слезы уже навернувшіеся на глазахъ моихъ. Жаль, что многіе во всю жизнь свою не видаютъ сего. Многіе престали бы послѣ сего быть въ такой разсѣянности во время Богослуженія, съ какой видимъ ихъ теперь.

Послѣ обѣда пошли было къ Корбуху: но сильный вѣтеръ возвратилъ насъ опять. Пришедши домой отдохнулъ и пошелъ послѣ вечеренъ учить лекцію, но и оттолѣ возвратился такъ же тощь, какъ пошелъ. Въ головѣ и сердцѣ очутилась такая дрянь, что... не сдѣлавъ ничего пошелъ въ свою комнату. Да, вотъ еще: сегодни у насъ началась въ саду игра, которая не была мнѣ извѣстна — метаніе шаровъ въ какіе то столбики, называемые маршалками, между коими есть и король, стоящій въ срединѣ [1]).

10. Послѣ классовъ до Всенощной учили лекцію по классу философской Исторіи. Всенощную стояли также на хорахъ, куда уже стали ходить послѣ сего и всегда.

---

[1]) Кегли.

11. До обѣдни и послѣ обѣдни до вечера училъ ту же лекцію по классу философской Исторіи. Болѣе сего и писать нечего.

12. Послѣ классовъ сталъ писать изъ философской Исторіи о Молебраншѣ, Беркелеѣ и Спинозѣ—и только.

13. Писалъ то же самое весь день, исключая того времени, когда былъ въ классѣ.

14. Въ день Отданія Пасхи у насъ была рекреація. До обѣда писалъ. Тутъ въ церковь, послѣ сего къ столу, послѣ стола гулять. Были съ NN... съ Анд. Гр. С. ходили по полю. Пришедши писалъ то же, что вчерась и третьяго дни. Сіе написалъ послѣ вечеренъ.

15. Кромѣ обѣдни весь день занимался повтореніемъ философскихъ лекцій В. И. К. День былъ самый прекраснѣйшій, какой только видѣли нынѣ послѣ Пасхи. Но никакъ недосугъ было выйти изъ стѣнъ Лавры—насладиться зрѣніемъ природы въ хорошую погоду. Болѣе нельзя ничего и писать, какъ только то, что нынѣшній праздникъ Вознесенія Господня провелъ я на Соляной Башнѣ.

16. Съ сего дни не стали ходить въ классъ послѣ обѣдовъ по изволенію Начальства, снисходящаго множеству классическихъ грѣховъ нашихъ. Сегодни я дописывалъ Исторію философскихъ системъ. Сегодни же получилъ письмо отъ И. И. В. который проситъ у меня совѣта—идти или нѣтъ въ нашу Академію. Что отвѣчать? дай отвѣчу такъ: есть ли имѣешь жаркую (ибо просто теплую имѣть, кажется, мало) и притомъ постоянную любовь къ наукамъ, далѣе—если безропотно и въ молчаніи готовъ перенесть всякую тѣсноту, какая совмѣстна съ четырьмя стѣнами монастыря и съ тѣсными углами студенческой комнаты: то ступай съ благословеніемъ Божіимъ. А если только щекотаніе самолюбія возбуждаетъ въ тебѣ желаніе быть въ Академіи, то лучше останься дома въ К. или въ порядочномъ селѣ, гдѣ Богъ велитъ.

17. Послѣ обѣда до Всенощной писалъ Гражданскую Исторію—лекціи П. П. П. Послѣ Всенощной читалъ Жизнь Англинскаго Пастора Іосифа Аллейна, переведенную съ Нѣмецкаго языка пр. Ѳ. А. Г. Жизнь завидная! Есть ли бы и мнѣ Богъ позволилъ, когда буду пастыремъ, жить и учить такъ же, или хотя подобно сему; то право и желать остава-

лось бы немногаго. Помози ми Господи! Ты видишь, что сердце мое ищетъ сей священнѣйшей обязанности. Веди меня къ ней Божественнымъ свѣтомъ слова Твоего. Сегодни же въ разговорахъ одного товарища я замѣтилъ хорошее подобіе. Мы говорили объ экзаменѣ, представляли его страшною бурею и онъ сказалъ мнѣ: „не страшись, братъ—вѣть и въ бурю иногда можно пройти благополучно, безвредно и добраться до цѣли. Авось Богъ и намъ поможетъ“.

18. Поутру до обѣдни писалъ конспектъ философской исторіи. Тогда же читалъ въ Образцовыхъ сочиненіяхъ прошеніе Св. Синода, Государственнаго Совѣта и Сената Императору о томъ, чтобы Онъ, какъ избавитель Европы, и принялъ себѣ въ титулъ имя: Благословенный, и позволилъ соорудить себѣ памятникъ. Но Государь смиренный отказался со смиреніемъ. И прошеніе и отказъ Государя такъ тронули меня, что я долженъ былъ отирать слезы. И въ самомъ дѣлѣ, Государь рѣдкій, добрѣйшій, милостивѣйшій, особенно для нашего званія Отецъ чадолюбивый.

Послѣ обѣда до вечеренъ время прошло то въ прогулкѣ, то въ отдыхѣ на постелѣ. Тутъ до ужина въ повтореніи философской исторіи. Послѣ ужина и дѣлалъ и нѣтъ.

Сегодни объявлено намъ въ столовой отъ О. Р., что съ сего времени никакой поступокъ студента не останется безъ наказанія—какъ въ такое время, когда уже время собиранія плодовъ, а не время исправленія,—что и приведено въ дѣйствіе сегодни же надъ В. М. В. изъ В. С... [1]).

19. Послѣ обѣда пришелъ изъ М. къ М. А. изв. И. Ив. итакъ до 3-хъ часовъ время проведено съ нимъ. Тутъ я писалъ отвѣтъ на письмо И. В. въ К., послѣ занимался повтореніемъ философскихъ лекцій.

. . . . . .

---

[1]) Студентъ былъ уволенъ.